

Я обнаружил его в гараже в воскресенье днём. Сюда, на Соколиную улицу, мы переехали буквально накануне. Зима была на исходе. Мама так и говорила: «Переберёмся как раз к весне». Кроме меня, в гараже никого не было. Только я. Остальные, вместе с доктором Смертью, суетились в доме вокруг малышки.

Он лежал в темноте, за нагромождением шкафов и буфетов, в мусоре и пыли. Похоже, провалялся там целую вечность. Грязный, бледный, иссохший — наверняка мёртвый. Однако я здорово ошибся. Очень скоро мне предстояло узнать правду. А правда состояла в том, что он был особенный, один-единственный на всём свете.

Я говорю, что нашёл его в гараже, потому что агент по недвижимости, мистер Стоун, называл эту постройку гаражом. По мне — так это хибара, или свалка, или что-то наподобие полуразрушенных складов, которые сейчас сносят у причала. Стоун провёл нас через сад, потянул на себя хлипкую дверь и посветил во мрак карманным фонариком. Мы тоже сунули головы за порог.

— А теперь окиньте это мысленным взором, — сказал он. — Представьте: всё вычищено, навешены новые двери и залатана крыша! Что вы видите? Замечательный гараж на две машины!

По-прежнему тупо улыбаясь, он перевёл взгляд на меня:

— Или себе что-нибудь соорудишь, парень. Укромное местечко — поиграть, друзей позвать. А, как идея?

Я отвернулся. Вообще не хотел иметь с ним дела. Он ведь всю дорогу: что ни покажет, надо окидывать мысленным взором. Представлять, будто всё не так, а гораздо лучше. Пока мы осматривали дом, я всё время думал об Эрни Майерсе, старике, который жил тут много лет совсем один. Когда он умер, его нашли только через неделю. Под столом в кухне. Вот это я и представлял, когда Стоун требовал включить мысленный взор. Он предложил включить его даже в столовой, потому что в углу, отгороженный фанерой, стоял старый треснувший унитаз.

Стоун принялся объяснять, что в последние годы Эрни уже не мог одолеть лестницу и обретался только вниз: и кровать сюда снесли, и туалет установили. Стоун то и дело понижал голос, точно считал, что всё это не для моих ушей. А мне хотелось, чтоб он просто заткнулся. А ещё хотелось побыстрее выбраться отсюда и вернуться домой. Но мама с папой думали иначе. Такие оживлённые, радостные, словно нам предстояло грандиозное приключение. И они купили этот дом. Начали его убирать, чистить, красить. А потом родился ребёнок, родился до срока. Вот и всё.

Я бы заметил его и раньше, тоже в воскресенье, но с утра — я тогда твёрдо вознамерился поехать в гараж, даже фонарик с собой прихватил. Гаражные ворота, выходившие на дорожку, что тянулась позади всех участков на нашей улице, давно отвалились, и вход был забит широкими досками. Но со двора имелась дверца. Я осветил внутрь. Деревянные стропила совсем прогнили, крыша осела. Пол, где он просвечивал под наваленным всюду мусором, был весь в трещинах и дырах. Подразумевалось, что рабочие, которых наняли выносить рухлядь из дома, тут тоже всё расчистят. Но, заглянув в гараж, они заявили, что не возьмутся за эту работу, даже если им заплатят по тарифу «с риском для жизни».

Чего тут только не было: старые комоды, сломанные раковины, мешки с цементом, двери доисторической давности — они просто стояли прислонённые к стене; стулья с прямыми спинками и когда-то мягкими, а теперь сгнившими сиденьями. На вбитых в стену крюках висели огромные мотки кабеля и верёвки. На полу валялись садовые шланги, трубы, ящики с ржавыми гвоздями. Всё в пыли и паутине. Кое-где лежали огромные куски штукатурки. На одной из стен виднелось оконце, донельзя грязное да ещё заставленное рулонами потрескавшегося линолеума. Пахло гнилью и запустением. Даже кирпич крошился,

словно не мог больше выдерживать это страшное бремя. Словно вся эта махина устала от самой себя и вот-вот рухнет. Останется только пригнать бульдозер.

В одном углу что-то зашуршало, в другом мелькнуло, юркнуло, но вот — всё смолкло, и воцарилась мёртвая тишина.

Я стоял у порога, пытаюсь побороть страх.

И уже готов был ступить внутрь, как вдруг раздался мамин голос:

— Майкл! Что ты там делаешь?

Она стояла на заднем крыльце дома.

— Тебя же просили подождать, пока мы не убедимся, что в гараже безопасно.

Я попятился.

— Тебя просили или нет?

— Просили.

— Значит, сюда ни ногой! Понял?

Я толкнул дверь, и она прикрылась — неплотно, конечно, поскольку болталась на одной петле.

— Договорились? — окликнула меня мама.

— Да. Хорошо. Договорились.

— Вдруг тебя придавит в этом идиотском гараже? Тебе не кажется, что нам и так есть о чём поволноваться?

— Да, я понял.

— Значит, держись отсюда подальше. Договорились?

— Да. Да-да-да. Договорились.

После чего я углубился в дикие заросли — по-здешнему сад, — а мама опять пошла к этому дурацкому младенцу.

Саду тоже предстояло стать расчудесным местом. Там поставят скамейки, стол и качели. Прямо на заборе нарисуют футбольные ворота. Будет даже пруд с лягушками и рыбой. Но пока здесь ничем таким и не пахло. Только крапива, колючки, сорняки, колотый кирпич, булыжники... Одним движением ноги я сшибал головы целой армии одуванчиков.

Потом мама кликнула меня обедать, а я прокричал, что поем здесь. В саду. Она принесла мне бутерброд и банку колы.

— Ты уж прости, в доме такая неразбериха, и у нас жуткое настроение.

Она тронула меня за локоть:

— Ты ведь не обижаешься? Майкл? Ты нас понимаешь?

Я пожал плечами.

— Понимаю.

Она погладила мою руку и вздохнула.

— Скоро всё утрясётся. Всё будет хорошо.

Я уселся на кирпичи, уложенные штабелем возле дома. Съел бутерброд, отхлебнул колы. Мне вдруг вспомнился наш старый дом и мои кореша, Лики и Кут. Небось гоняют сейчас мяч на верхнем поле. И будут гонять целый день.

Потом я услышал, как позвонили в дверь. Пришёл доктор Смертью. Это я про себя его так прозвал: лицо больно серое, совсем не улыбчи-

вое, и бурые крапины на руках. Я его уже видел на днях, когда он садился в машину возле нашего дома и заводил мотор. По-правильному его зовут доктор Сартью. И в лицо я его Смертью не называю. Но всё равно такая фамилия ему больше подходит.

Я допил колу, немного посидел и отправился обратно в гараж. Времени прислушиваться к шорохам или собираться с духом не было. Я включил фонарик, поглубже вдохнул и на цыпочках переступил порог.

Какие-то мелкие чёрные существа порскнули из-под ног во все стороны. Дверь за моей спиной всё скрипела и стонала, пока не замерла на своей единственной петле. Под лучом фонарика роилась пыль. В углу что-то скреблось — мерно, без усталости. Я прокрался дальше, и на лбу осела густая паутина. Среди этого нагромождения доисторической мебели, кухонных шкафчиков, свёрнутых ковров, труб, ящиков и досок ступать было особенно некуда. Я то и дело пригибался, чтобы не ткнуться в свисавшие с балок резиновые шланги, верёвки и старые вещмешки. Я был уже весь облеплен паутиной. Бетонный пол крошился под ногами. Чуть приоткрыв дверцу огромного буфета, я осветил внутрь и увидел, как бросились наутёк миллионы древесных жучков. А на дне глубокой каменной вазы я разглядел кости какого-то мелкого зверька: видно, свалился туда да умер. Повсюду лежали дохлые навозные мухи. Ещё я нашёл пачку старых газет и журналов, чуть не пятидесятилетней давности.

Двигался я ну очень осторожно. И больше всего боялся, как бы мне что-нибудь не рухнуло на голову. От пыли першило в горле и чесалось в носу.

Я знал, что меня скоро хватятся и надо отсюда поскорее выбираться. Я лёг пузом на приземистый старинный комод, осветил всё пространство до дальней стены. И увидел его.

Мертвец!

Он сидел, прислонившись к стене, вытянув ноги, покрытый пылью и паутиной, как всё вокруг. Лицо пергаментно-бледное, почти прозрачное. Волосы и плечи усеяны трупами мух. Луч фонарика шарил по его лицу, по чёрному костюму.

— Что нужно? — спросил он.

Открытые глаза смотрели на меня в упор.

Голос такой скрипучий, словно хозяин не пользовался им много лет.

— Что тебе нужно?

Сердце моё бешено колотилось, бухало.

— Так что тебе нужно?

И тут меня позвали:

— Майкл! Майкл!

Пятясь, едва передвигая ноги, я выбрался наружу.

Кричал папа. Он уже шёл ко мне через заросли.

— Мы ведь тебя предупреждали... — начал он.

— Да, да. Конечно.

Я судорожно счищал с себя паутину и пыль. Прямо с подбородка смахнул паука на длинной нити.

Отец приобнял меня:

— О тебе же заботимся!

Он снял с моих волос труп навозной мухи. А потом стукнул со всего размаха кулаком о стену гаража. Здание содрогнулось.

— Видишь? Ты хоть представляешь, что может случиться?

Я успел схватить его за руку, чтоб он не ударил снова.

— Не надо, пожалуйста, я понял.

Он сжал моё плечо и пообещал, что всё будет хорошо, очень скоро.

— Пыль не забудь стряхнуть, — засмеялся он. — Маме в таком виде на глаза не показывайся.

